— Два сгорил ижею! Награшевет за боевые геройства!.. Турецкова Мапора живьем заполохил...

Дед Гришака плачет и стучит сухим кулачком по гулкой медвежьеватой спине деда-бакланова, но тот лочая кусок курятина, — вместо уха, — в чижевой киселъ, бесстыженно глядит на скатерть залитую лапшей, шамкает провалившимся ртом:

— ...Вот, сокол на какой грех попутал нечистой. Глаза деда с мертвенной настойчивостью глядят на белые морщины скатерти, словно видит он не скатерть залитую водкой и лапшой, а снеговые слепящие складки кавказских гор.

— До этова сраму не брал чужова... бывало займем черкесский аул, в саклях имение, а я не завидую... Чужое сирель от нечистова... а тут поди-ж ты... Влез в глаза ковер... с мотрами... Вот, думаю, похоже кою будет...

— По этих разах разностев повидали. Тоже бывали в заморских ~~странах~~ землях, — все Гришака потается заглянуть соседу в глаза, но глубокие глазницы заросли, как бараньим бурьяном, седыми клочьями бровей и волоса; не докопается дед Гришака до глаз, кругом одна щетинистая непролазь волос. И пуще клетая на хитрость; он хочет привлечь внимание соседа ударным местом своего рассказа, а поэтому начинает без предварительной подготовки прямо с средины:

— И командует есаул Терешкев: „Взводными колоннами наметом арш-арш!..“

Дед бакланову вскидывает голову, как строевой конь при звуке трубы, роняя на стол узловатый кулак шепчет:

— Пики к бою, шашки вон, баклановцы... — тут голос его внезапно крепчает, зеркальце зрачки глаз блестят и загораются былой, загашенной старостью огнем, — баклановцы — молодцы!.. — ревет он растравая пасть с желтыми пеньками десен, — в атаку... марш-марш!...

И оживленно и молодо глядит на деда Гришаку и не утирает замазанных рукавом чекмаря